

Вечная пришта о роде. Алехины

● НОВООСКОЛЬЦЫ

Живёт в самом центре Белогорья на земле новооскольской славная семья Василия и Ольги Алехиных, ставших уже живой легендой своей малой родины – села Тростенец. Победители множества конкурсов, в том числе, Всероссийского конкурса «Семья года – 2022», лауреаты фестивалей самого высокого уровня, бережно хранят и несут они в мир исконные традиции и уклад многих поколений прауродителей своих. История рода однодворцев Алехиных стала зеркалом истории новооскольского края, бесценным кладом познаний о культуре и быте тростенчан, берущим своё начало почти четыре века тому назад. Жива она и по сей день в их потомках, бережно хранящих наследие предков, великую глубину и мудрость своих истоков. И столь велика глубина эта, что и слов не сыскать, чтобы описать её. Разве что песню сложить или пришту, как «потростянецки» именуют, притчу.

О ЧЁМ ПОЮТ КАЛЮКИ

Хорошо у Алехиных, уютно. Сидим за самоваром, ведём неспешный разговор «за жизнь». Ещё с вечера Ольга настряпала пирожков не по поводу, а по заведённому порядку: вдруг гости на огонёк зайдут. Сегодня «вдруг» – друг. Вот, ей Богу, горжусь, что могу таковым считаться. Кривить душой перед друзьями – дело последнее, а потому честно признаюсь, что хочу о них написать, но не форматную статью, а материал для души. Посему, интервью отменяется, просто хочу «подышать» своими любимыми и глубоко уважаемыми героями.

– Так дыши, – улыбается Василий, – только пирогов Ольгиных уж отведай. Зря, что ль она старалась? Я вон тож с утряца по хозяйству управился, так что с вами, девчата, посижу. Ольк, а, Ольк, а давай, нашу, чтоб дышалось легче.

В руках у хозяев появляются травяные дудочки – калюки. Мелодия простенькая, незатейливая, (даже и не мелодия вовсе, а ритмичный звукоряд), а «цепляет».

Время будто дышать начинает картинками, запахами, звуками. Слышится мычание стада, которое гонит молодой пастушок на водопой к узенькой, шустрой реч-

ке Тростянка. День уж клонится к закату, но сладкий жар разогретой солнцем травы ещё долго будет стоять, будоража пряными запахами деревенских парней и девок.

– Эх, на гулянку бы сёдни сходить, да батяня опять не отпуска, а супротив его воли никак не пойтить, – бормочет пастушок. – Эй, Зорька! Куды прешь, бесова сыть? Опять, зараза, у тросник полезла!

Коровы пьют шумно, громко отфыркиваясь, потом без понуканий идут к селу, туда, где раскинулось огромное, огороженное подворье. Вышли на околицу. Сдёрнув картуз с вихрастой головы, пастушок раскланивается с окрестными мужиками. Те вежливо кланяются в ответ, одобрительно переговариваясь меж собой: «Вишь ты, а Максимка – то, Ляксандра Потапыча сынок, даром что из богатеев, а вежливый, уважительный. Да и сам Ляксандра Потапыч молодец, и хозяин крепкий, и детей в строгости держит. Им бы при таких деньжищах в барчуках ходить, а они, вишь, до любой работы приучены. Будет, кому отцовское дело принимать».

ИЗ ИСТОРИИ

К концу XIX – началу XX века во владении Александра Потаповича Алехина, потомка служилых людей, что первыми обосновались у реки Тростянка, находилась почти половина тростенецких земель.

Относился он к сословию однодворцев, возникшему при расширении юго-восточных границ русского государства и состоящего из воеенизированных землевладельцев. Все представители рода Алехиных в «крепаках» отродясь не ходили, а, наоборот, имели возможность хозяйствовать «своим двором» (семьёй) и использовать наёмную рабочую силу.

Слыл Александр Потапович Алехин человеком строгим, но справедливым, готовым «в положение войти», то есть, помочь, если нужда у кого, людей не чурался, в храм Божий ходил исправно, в праздники работников своих подарками одаривал, вдовам да сиротам помогал, а, посему, пользовался среди тростенчан особым уважением.

Ну, а как сынка алехинского не Максимкой, а Максимом Александровичем величать стали, то настоящий бабий переполох «в Тростянце случился». Стали рядить – судачить, кого ж из девок местных за отпрыска своё Ляксандра Потапыч посватае? Переживал и Максим: а ну как батяня рябую да корявую жёнку ему выберет, на капиталы её родителей позарившись? Ну, а как узнал, которая ему в суженые «уготована», так целую ночь от радости не спал, а поутру в местном храме поклонился. Красавицу Евдокию, Андрея Андреева дочь, выбрал ему в жёны отец. Хороша, стройна, на косу богата, в работе – не угнаться, а если петь аль плясать выйдет, так залюбуешься. На Покров свадьбу сыграли, и стали молодые жить – поживать в любви да согласии.

ЗНАЕШЬ ЛИ, КАКОГО РОДУ ТЫ?

История о том, что он не «из простых», свалилась на пионера Васю Алехина, как гром среди ясного неба. Тогда, живя в социалистическом государстве, где все люди были равны, а принадлежность к «высшим сословиям» считалась чем-то неприличным и даже преступным, он был твёрдо уверен, что колхозы и колхозники – единственно правильная форма существования сельского уклада.

– Помню, поздней осенью это было, – рассказывает Василий Викторович. – Как раз на селе у нас трактор огорода пахал всем по очереди. По неписаному закону, каждый хозяин должен был лично подойти к трактористу и попросить его вспахать и ему. Вот и собрался народ. Я тоже ждал трактор. Отец уже сильно болел, и нужно было помочь маме. Мужики беззлобно подтрунивали друг над другом, именую дворовыми прозвищами, и лишь, говоря о моей семье, называли по фамилии.

Похолодало. Василий отошёл к плетню, чтобы хоть как-то укрыться от непогоды и колких шуточек мужиков, раскрасневшихся от холода и «сугрева».

– Ты гляди, Вася, как «жнучьё» нонча разошлось, – обратился к нему сосед Пётр Андреевич. – Да ты не обижайся на

них. Ты хоть знаешь, кто ты есть? Какого роду?

Парнишка вопросительно уставился на соседа, а тот увлечённо продолжал:

– Уж, кабы то время вернуть, дык они бы рядом с тобой тут не стояли, а вон там, за плетнём бы все были. Что глядишь? Не понял? А кто ж на твою землю посмея ступить? Ваша уся эта земля была, понимаешь? Ваша, алехинская!

Ничего не понял пионер Вася Алехин. Дождь, пока трактор вспашет последний клочок земли, отблагодарил, как положено, тракториста и помчался домой, где мать уже успела печь истопить.

– Лезь скорее на лежанку греться, – захлопотала мама Раиса Ивановна. – Так что там, говоришь, мужики балакали? Ох, дядька Петя! Проболтался – таки. Я тебе, сынок, ещё больше скажу. Ещё неизвестно, взяли бы меня за Витуна Алехина, батюку твою, замуж али нет. Помню, поехали мы с колхозной пшеницей на мельницу. Я мешок с телеги взяла и несу, а тут тётка моя подходит. «Дай, – говорит, – подмогну. Домой тебе быстрее надоть». Управилась. К дому подходим, а она меня от муки обмётает, платок поправляет. Не пойму я никак, с чего такие хлопоты? А она мне: «Сваты у вас дома. За Витуна Алехина тебя сосватали. Мальчуха хороший, добрый, работающий, не пьющий, опять же. Ты ж знаешь, какого он роду. Да не гляди, что у него сейчас за душой нет ничего, наживёте». Ну, вхожу, значит, в хату, а там «жаних» мой со своей матерью, бабушкой твоей Евдокией за столом сидят. Меня увидели, покраснели, глаза потупили. «Мам, – кажу, – дык мы ж с ним только на улице несколько раз здоровались, и всё. Куда ж замуж – то?». А мама мне: «Перед «Заговинами» посватались, а на «Рождество» свадьбу сыграем». Тут Витун ещё больше покраснел и «на вулицу назавтра» гулять пригласил. Пошла, конечно, раз просваталась, так теперь только вместе гулять надо. Как положено у нас, после сватовства «запитушки» были, потом Богу вместе молиться ходили, а там и свадьбу справили. Да что ты, сынок, какие там платё с фатой? Скромно всё было, зато весело. Потом ты родился. Потом батяня твой болеть шибко стал – видать, война, проклятая, что детские его косточки повыворозила, так в нём хворобой и поселилась.

Дед, Максим Александрович Алевин

Бабушка, Евдокия Андреевна

Отец, Виктор Максимович

Мать, Раиса Ивановна

БАБУШКИНЫ СКАЗКИ, ПРИШТЫ ЖИВЫЕ

О родovitости своей Василий Викторович никогда особо и не думал – слишком много хлопот свалилось на неокрепшие ещё мальчишеские плечи. Отец ушёл из жизни рано. Бабушки его Евдокия Андреевна Алевина и Прасковья Александровна Пальщикова тоже рассчитывали на помощь шустрого внучонка. Солдатские вдовы, обе они получили похоронки на своих любимых. Максим Александрович погиб под Калининградом, Иван Андреевич – под Прохоровкой. Самой большой наградой от бабушек за труды считал Василий неспешные вечерние посиделки дома, когда брались они «волну чесать» или прясть, а чтоб работа спорилась, старинные песни спевали, сказки сказывали и истории всякие из «той», далёкой жизни. Вот и проходили его дни в труда, заботах и каком-то удивительно глубоком постижении мира, состоящего из людей далёких, близких, но непременно родных. Тяжело ли было? Об этом он тоже не думал. И, уж если «родovitость» нисколько не тревожила его сердца, то о Роде своём помнил Василий Алевин всегда. Так что же случилось с Максимом и Евдокией Алевиными? Разгадать тайны семьи помогли ему бабушкины рассказы – сказки, более всего напоминающие пришты – притчи, написанные самой жизнью.

Пришта Евдокии и Максима Алевиных была печальной. Их привычная жизнь рухнула, когда грянула в стране Октябрьская революция. Отряды «экспроприаторов» появились и в Новоокольском уезде. В Тростенце первыми раскулачили Алевиных.

Землю и жильё отобрали, конфисковали всё имущество, скот, домашнюю птицу, хозяев выгнали из дома и разрешили пожить в сарайчике. Слухи о повальных арестах и высылке кулацких семей в Сибирь стали реальностью. Евдокию и Максима спасла добрая слава их семьи: уж очень многие благодарны были Алевиным за помощь, за человеческое отношение к людям. Вот поэтому – то и постучали к ним поздно ночью в сарайчик: «Тикать вам надоть. Завтра опосля обеда за вами придут из уезда, арестовывать. Только не выдавайте нас новым властям, что предупредили».

ИЗ ИСТОРИИ

Ещё затемно супруги побросали на подводу нехитрый уцелевший скарб и, объявив всем, что едут в город на базар, подались на далёкий Донбасс.

Там устроились работать на шахту и даже потихоньку стали забывать о пережитом. В семье подрастали двое сыновей. Началась Великая Отечественная война. Решено было возвращаться домой, в Тростенец.

Максим Александрович даже не задумывался о том, нужно ли идти на фронт. Ушёл по призыву из Великомихайловского военкомата защищать Родину. Вслед за ним ушёл воевать и старший сын Владимир. Евдокия осталась с младшим сынишкой Виктором. Местные власти с подозрением смотрели на «кулацкую жену», на работу брать не хотели, жить было негде. А потом пришла похоронка...

В сельсовете «смилоствовались» над вдовой и разрешили самостоятельно «построиться». В землю были вкопаны четыре деревянных столба, оплетены ветками, а сверху обмазаны глиной. Маленькая печурка, крыша, крытая соломой. Зимой, чтобы не замёрзнуть, жались вдвоём к печке. Евдокия ложилась под ледяную стенку, пытаясь хоть как-то уберечь ребёнка от холода. Поутру маленький Витун отдирает от стены вмерзшую материну косу, ту самую, которую когда-то так любил его отец. И уж если для взрослой женщины такие испытания были непосильными, то для ребёнка они могли стать гибелью. Выручила бездетная подруга – кума, которая предложила забрать мальчика к себе, чтоб с голоду-холоду не помер: «Гляди, Евдокия, Витьку я заберу, а тебя, уж извини, не могу. Мне неприятности не нужны». Побожившись, что не станет мешать, Евдокия всё-таки ходила тайком проводить сына, по которому страшно тосковала. Работу ей наконец-то дали – разделять трупы издохшей от голода – болезней скотины и варить в чане на корм курам. Мужик, служивший бригадиром, буквально проходу ей не давал, следил, чтобы не воровала кусочки «мёртвого мяса» из куриного варёва, чтоб не «объедала» колхозную птицу. Когда же ей удавалось потихоньку утащить пару-тройку маленьких кусочков, то, пряча за пазухой, несла их сыну. А потом... То ли Господь о ней вспомнил, то ли чаша её бед наполнилась до краёв, но пришла добрая весть. Старший сын Владимир жив! Ранен тяжело, контужен, комиссован по ранению и едет в Тростенец.

Владимир Максимович, фронтовик, орденосец приехал в село и стал готовить новобранцев к службе в народном ополчении. А там и Победы дождались. Счастье – то какое, господи! Жизнь потихоньку налаживалась. Из худенького Витун вырос ладный, «рукастый», добрый нравом парень, которого стали уважительно именовать Виктором Максимовичем. После долгих лет страданий и бед Евдокия Андреевна наконец-то смогла вздохнуть спокойно. Отрадой для неё стали сыновья, невестки и внуки.

ЛИШЬ РОДИНОЙ И РОДНЫМИ БОГАТ ЧЕЛОВЕК

– Я вот как считаю, – вертя в руках умолкшую калюку, говорит Василий Викторович. – Каждый человек должен жить там, где дал ему Бог. Когда покидаешь родную землю, слабым становишься. В чём сила наша? В корнях. Выдерни дерево, попробуй пересадить. Бывает, конечно, что и приживается, но у меня не так. Сказать, что я люблю мою малую родину – ничего не сказать. Я живу ею, дышу ею, говорю, пою, работаю, мечтаю, и лишь она мне силу даёт и поддержку. А ещё в Вере и Роде наша сила. Вы только представьте, сколько поколений в каждом из нас сокрыто, в каждого из нас свою мудрость, свою душу, свои черты вложило. И нет превыше и ценнее богатства, чем Родина, Род и родные. Может быть, не слишком гладко говорю, только я, дейс-

твительно, так считаю. Мне кажется, что прошлого просто не существует. Как может пройти то, что живо до сих пор, в нас живо? Вот растеряем мы память, позабудем тех, кто был до нас, то, что было до нас, и станет всё это прошлым, а мы – пустыми.

„ Не имеем мы права такого – на забвение, если ради нас, сегодняшних, деды наши воевали, отцы наши и матери работали, растили нас, учили. Иванами, родства не помнящими русских зовут. Неправда это. Я, например, богатым человеком себя считаю. У меня самое главное есть – то, что люблю я пуще жизни: любимая семья, любимая Родина, любимые дети, любимая жена, любимое дело. А, значит, беречь я всё это стану, хранить, защищать, если нужно.

Быть может, для кого-то город милее. Не знаю. Бывал я в городах больших и разных. Хорошо, не спорю, красиво, нарядно, современно, есть на что посмотреть, чему поучиться, только не моё это. Как в народе говорят, «сердце не лежит», а ему, сердцу, лгать нельзя. Вот я и не лгу. С открытым сердцем к людям иду, путь свой выбираю, и ни разу оно меня не подвело. Помню, как Ольгу мою в первый раз увидел, так оно аж затрепетало. Сидит, златовласка, шьёт-колдует. Она тогда только в Тростенец приехала и в школе нашей у детишек труды вела. Сколько лет уж прошло, сын с дочкой вырасти успели, а гляжу на неё, и будто та, первая наша встреча. Так же, сердцем, наш коллектив «Истоки» я создавал, когда понял, почувствовал, что должны мы людям их родные песни вернуть, традиции. И ведь не за три моря за ними ходить нужно было – вот оно всё, рядышком, живое, дышит. Ты только вслушайся и такую пришту услышишь, что вовек не слышал. А главное – конца и краю ей нет, потому как вслед за нами придут наши дети, а потом дети детей наших, и продолжится Род, и будет жизнь на земле, силы нам дающей, земле по имени Родина.

Марина ВОРОНИНА.
Фото из архива Алевиных.

P.S. Пока готовили этот материал к печати, стало известно, что Василий Викторович Алевин стал победителем муниципального конкурса «Человек года – 2022» в номинации «Человек года в сфере культуры». Поздравляем!

Бабушка Евдокия (слева) с маленьким Василием и соседкой